

Макс Вебер о факторах «достойного мира» (1916–1919)

Наталья В. Ростиславлева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»,
ranw@mail.ru*

Аннотация. М. Вебер и внешнюю, и внутреннюю политику рассматривал с национальной точки зрения. В 1916 г. главной угрозой Германии он считал Россию. Ученый видел тогда путь достижения мира в соглашении с Англией. Февральская революция в России изменила его позицию, но только после апрельского кризиса он склонился к заключению мира с Россией. Одновременно Вебер выступал с резкой критикой подводной войны Германии, но не поддерживал пацифизм немецкого студенчества. Вебер в 1916–1918 гг. связывал решение вопроса о мире с парламентаризацией правительства и демократизацией Германии. Он был уверен, что контроль парламента над кайзером способен предотвратить катастрофу. Профессор увязывал отсутствие в Германии демократической политической культуры с деятельностью Бисмарка, который, по его мнению, препятствовал развитию парламентаризма. Ученый был членом немецкой делегации на Парижской мирной конференции. Отказ от условий Версальского мира Вебер воспринимал как угрозу утраты суверенитета Германии, однако не считал Версальский мирный договор «достойным миром». Вебер не одобрил проект этого мира и воспринимал его как пролог к дальнейшим бедствиям Германии. Летом 1919 г. он призывал к сочетанию в политике «этики ответственности» с «этикой убеждения» и рассматривал эти категории как взаимодополняемые.

Ключевые слова: Макс Вебер, Первая мировая война, факторы «достойного мира», Версальский мирный договор, «этика ответственности», «этика убеждения»

Для цитирования: Ростиславлева Н.В. Макс Вебер о факторах «достойного мира» (1916–1919) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43). С. 119–130.

Max Weber about Factors of “Worthy Peace” (1916–1919)

Natalia V. Rostislavleva

Russian State University for Humanities, National Research

Nuclear University “MEPhI”, ranw@mail.ru

Abstract. The foreign and domestic policy was considered by M. Weber from the national point of view. In 1916 he regarded Russia as the main threat for Germany and saw the way to peace in the agreement with England. The Russian February revolution changed his position, but only after April crisis he was inclined to conclude peace with Russia. At the same time, Weber sharply criticized the German submarine war, but did not support the pacifism of German students. In 1916–1918 the scientist linked the issue of peace with the parliamentarization of German government and the democratization in Germany. He was sure that the government’s control over the Kaiser could prevent the catastrophe. Professor attributed the absence of a democratic political culture in Germany with the activities of Bismarck, who hampered the development of parliamentarism. The scientist was a member of German delegation at the Paris Conference. Weber perceived the rejection of the terms of the Versailles peace as a threat to the loss of Germany’s sovereignty, but did not consider the Treaty of Versailles as a “worthy peace”. Weber did not approve the project of this Treaty and perceived it as a prologue to the further disasters of Germany. In the summer of 1919 the scientist called for combination in “the ethics of responsibility” and “ethic of persuasion” in politics and considered those categories as complementary categories.

Keywords: Max Weber, the First World War, factors of “worthy peace”, the Treaty of Versailles, “the ethics of responsibility”, “ethic of persuasion”

For citation: Rostislavleva NV. Max Weber about Factors of “Worthy Peace” (1916–1919). *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*, 2018;10:119-30.

Введение

Поиск Максом Вебером идей для завершения Первой мировой войны затрагивался в работах таких немецких исследователей как В. Моммзен [1], Ю. Каубе [2], Й. Радкау [3], однако до сих пор этому вопросу не посвящено специальной работы. Цель

данной статьи – показать отношение великого мыслителя к процессу мирного урегулирования глобального военного конфликта.

Размышления Макса Вебера о мире в 1915–1916 гг.

Макс Вебер (1864–1920) – великий немецкий социолог, историк, экономист, религиовед, профессор Гейдельбергского университета – приветствовал Первую мировую войну. Он всем сердцем разделял выступившие на передний план национальные настроения исхода лета 1914 г. и сравнивал их с часом «высшей торжественности», с часом «отказа от себя» [4 с. 432], отмечал общую готовность служить целому. Он называл эту войну «великой и замечательной (wunderbar)» [1 с. 207]. Когда началась война, Веберу уже было 50 лет, и он давно был выведен из числа военнообязанных. Оставаясь в тылу, профессор занял должность дисциплинарного офицера при резервной лазаретной комиссии и с энтузиазмом принялся за устройство резервного лазарета в Гейдельберге. Ему было трудно мириться с тем, что он не может быть на фронте, поэтому Вебер трудился в Гейдельберге по 13 часов в сутки и продолжал работать над «Хозяйственной этикой мировых религий» [5 с. 139].

Зимой 1915 г. Вебер уже задумался о заключении мира. Он полагал, что это необходимо сделать по экономическим причинам, так как государство потребляет больше, чем инвестирует, и статус экономической сверхдержавы переходит к Америке [6 с. 467]. Начиная с Рождества 1915 г. Вебер написал на тему войны целую серию статей, публикуя их на страницах «Франкфуртер цайтунг». В конце лета 1916 г. он выступил в Нюрнберге по приглашению «Немецкой национальной комиссии по вопросам достойного мира». Главный тезис Вебера – люди воюют не ради идей 1914 г., а ради идей 1917 г., т. е. времени, когда в Европе снова воцарится мир. Он хотел, чтобы война ускорила демократизацию и всем было предоставлено равное избирательное право, и полагал, что война ведется не за государство, а за «национально-культурную общность». Главные ценностные ориентиры Вебера – нация, власть, культура – продолжили оказывать сильное, определяющее влияние на его подходы. Германия несет ответственность перед потомками и обязана, по его мнению, противодействовать разделению мира между «англосаксонской конвенцией» и «русской бюрократией». Поэтому собственно задачу политики Германии в этой войне Вебер видел в том, чтобы создать предпосылки для будущей германской мировой политики (Weltpolitik) [1 с. 209–210].

«Идеи 1917 года»

Вебер хотел быть причастным к политике, он попытался получить место советника в немецком военном управлении в Брюсселе, а также должность эксперта по Восточной Европе в Берлине. Но это у него не получилось. Вскоре всю свою энергию профессор направил на размышления об «идеях 1917 года», т. е. о том, что ждет Германию после заключения мирного договора. Вернувшись с войны, ее участники должны получить равное для всех избирательное право, коль все равны перед лицом смерти [6 с. 472].

С конца 1915 г. Вебер стал более чем настороженно относиться к чрезмерной аннексионистской программе Германии [1 с. 219]. Он полагал, что как только представится возможность мира на основе status quo, без потерь, но и без расширения владений, ею надлежит немедленно воспользоваться. Поскольку при превосходстве врагов время, по мнению Вебера, работало не на Германию, а против нее... Война грозила превратиться с годами в повседневность и стать во всех отношениях сатанинской [4 с. 453].

Известно, что позже он написал докладную записку парламентариям и правительству, где осуждал аннексии, но так и оставил ее в письменном столе. В. Моммзен ссылается также на письмо Вебера в редакцию «Франкфуртской газеты», подчеркивая, что в нем содержалось противодействие аннексиям [1 с. 219]. Ученый писал: «Я против всякой аннексии, также и на востоке. Если бы это было осуществимо в военном отношении, я был бы скорее за создание польского, малороссийского, литовского, латвийского автономных государств с правом для нас строить к северу от Варшавы крепости и занимать их, для Австрии то же самое к югу от Варшавы... На Западе – военная оккупация <...> в Европе больше ничего. Следовательно, только военное необходимое, никаких аннексий» [4 с. 457–458]. «Интересам Германии противоречит вынудить мир, главным результатом которого стало бы положение, чтобы каблук немецкого сапога в Европе стоял бы на пальцах ноги каждого участника войны» [4, с. 454]. Вебер по мере своих возможностей противодействовал аннексиям посредством воздействия на доступные ему круги, например через общество 1914 г., которое являлось своеобразным политическим клубом Берлина.

В конце 1916 г. Вебер выступал в Мюнхене. Опять прозвучала мысль, что Германия должна противодействовать разделу мира между русскими и англичанами, подчеркивалось, что эта война идет за честь, а не за изменение карты мира и экономические выгоды [4 с. 477].

Русская революция в феврале 1917 г. поставила вновь вопрос о мире без аннексий и контрибуций на основе права народов на самоопределение. Вебер отнесся к этому с величайшей осторожностью и полагал, что следует принять предложение русских объявить о готовности заключить мир с Россией на следующей основе: «Никаких аннексий, никаких репараций <...> мы также не желаем поработать Польшу <...> применительно к западным державам мы не можем дать никаких дальнейших объяснений, пока там придерживаются не подвергаемых дискуссии, несовместимых с указаниями русского правительства военных целей» [4 с. 478]. Однако Вебер был убежден, что мир с Россией не прекратит войну, она будет продолжена, и полагал, что неблагоприятная в Германии экономическая ситуация приведет к проигрышу в войне, поэтому призывал не делать ничего, что может ее продлить, и очень опасался, что рейхсканцлер позволит пангерманистам себя запугать.

На февральскую революцию 1917 г. в России Вебер откликнулся статьей «Переход России к мнимой демократии» [7 с. 236–260]. Она генетически связана с его работами о революции 1905 г. Вебер сомневался, что политические отношения в своей основе изменились, более того, он считался с тем, что в результате революции в России бы усилился консерватизм. Также его интересовало воздействие событий в России на немецкую социал-демократию. Он полагал, что перенимать опыт российской «сегодняшней псевдодемократии» не стоит [7 с. 236].

В 1917 г. ученый гораздо больше внимания уделял вопросам мирного урегулирования и полагал, что думское руководство продолжает войну, чтобы удержаться у власти. Вебер усматривал здесь демонстрацию империалистических целей России и осознавал всю опасность этого для Германии [8, с. 297]. Однако полагал, что мировая война наделена глубоким историческим смыслом. Видя ее причину в движении Германии к статусу могущественного государства, он считал, что его родина делала это не из тщеславия, а вследствие ее ответственности перед историей. Главным врагом Германии в фокусе этой идеи Вебер считал Россию, в которой видел угрозу общему культурному развитию Запада [5 с. 143–144].

С начала лета 1917 г. Вебер издал значительные статьи по вопросам государственного устройства: прежде всего это работа «Избирательное право и демократия в Германии» [9 с. 40–106]. Продолжение войны он увязывал с влиянием на волю государства. Для этого Вебер предлагал устранить господство чиновников из политики, отмену трехклассного прусского избира-

тельного закона, провести парламентаризацию правительства и демократизацию государственных институтов.

В конце 1917 г. сепаратный мир с Россией рухнул. В Германии наступил внутренний кризис, произошла смена канцлера с Т. Бетман-Гольвега на Г. Михаэлиса, который вскоре показал свою политическую непригодность. Причину этого Вебер увидел в отсутствии парламентского руководства и косвенно винил в этом Бисмарка. В одной из статей 1917 г. во «Франкфуртер цайтунг», касаясь наследия Бисмарка, он писал: «Но стыд за эту карикатуру на политически зрелый народ, какую являла собой нация в 1890 году, не должен скрыть от нашего внимания, что Бисмарк в этом недостойном ничтожестве собственных приверженцев на трагический лад пожал то, что сам и посеял. Ибо он желал и намеренно добивался такого политического ничтожества парламента и партийных политиков» [10 с. 116]. Марианна Вебер в своих мемуарах также не обошла вниманием роль «железного канцлера»: «Бисмарк, мастер внешней политики, оставил в качестве внутривнутриполитического наследия нацию, лишенную какого-либо политического воспитания, без какой бы то ни было политической воли, нацию, привыкшую к тому, что выдающийся государственный деятель сам позаботится о политике. Сильные партии он сломал, самостоятельно мыслящих людей не выносил. Отрицательным результатом его могучего престижа был беспомощный парламент с глубоко придавленным духовным уровнем. И как следствие этого – исключительное господство чиновничества» [4 с. 481]. Таким образом, в 1917 г. Вебер связывал возможность «достойного мира» с решением внутривнутриполитических задач, отрицая распространенную точку зрения «о необходимости для нас сначала все аннексировать, прежде чем “мы” сможем заключить мир».

Считая монархию самой целесообразной формой, он заявлял, что над государственным фундаментом возвышается нация. «Форма государства для меня безразлична, если страной управляют политики, а не дилетантствующие шуты, как Вильгельм II и ему подобные» [4 с. 480]. Как уже отмечалось, он видел выход в парламентаризации правительства. По Веберу, чиновники – это чисто технические работники, они должны быть подчинены парламенту.

К концу лета 1917 г. окончательно исчезла уверенность в том, что подводная война приведет к миру. В Пруссии было сорвано устранение трехклассной избирательной системы. Выступление депутата М. Эрцбергера, выявившего ошибки в вычислении действий подводных лодок и потребовавшего объявления мира на

основе политики от 4 августа 1914 г.¹, привело к внутреннему кризису. Рейхстаг принял резолюцию о мире с отказом от аннексий, выдвинув лозунг – парламентаризм принесет мир. Вебер это не поддержал, полагая, что в других странах возникнет впечатление, «что наши силы иссякли, и появится надежда на революцию – а это значит продолжение войны» [4 с. 485]. Ведомство военной цензуры дало Веберу понять, чтобы он не публиковал часть своих политических статей 1917 г. Но ученый отказался их кардинально переработать.

По приглашению известного издателя Ойгена Дидерихса лето 1917 г. Вебер провел в замке Лауэнштейн. Туда были приглашены многие германские интеллектуалы. Основная тема дискуссий – связь культуры с политическими вопросами. Рефрен Вебера – почему именно теперь национальное самоутверждение, спасение Германии является требованием дня, по сравнению с которым все остальное уходит на задний план. Однако Вебера прежде всего волнует судьба нации. Проникновение в собственную душу, по мнению Вебера, не поможет, если пропадет нация [6 с. 473–475].

Зимой 1917–1918 гг. М. Вебер активно общался с пацифистски настроенными студентами, которые принимали участие в веберовских воскресеньях. Среди них – Эрнст Толлер. По мнению Вебера, для немцев еще не пришло время пацифистской пропаганды, воля к национальному самоутверждению еще не может быть сломлена, тяжелое занятие войной не должно стать для них отвратительным.

Группа студентов-пацифистов предложила Веберу возглавить их движение. Их программа выглядела, по мнению ученого, довольно эклектичной, так как помимо пацифизма они требовали господства Эроса. Вебер отказался от их предложения. Но ученый размышлял об этой проблеме. Позднее, осенью 1918 г., он участвовал во Франкфурте в диспуте о пацифизме и провозгласил себя противником этого движения [4 с. 494].

Но еще до этих событий осенью 1917 г. Вебер подписал звание внепартийного образования «Народный союз за свободу и отечество», который требовал немедленного заключения компромиссного мира. Среди подписантов – Ф. Науман, Г. Онкен, Э. Трельч. Создатель германского флота адмирал А. Тирпиц, лидер

¹ Мир на основе политики 4 августа 1914 г. – это мир в рамках победы Германии в войне. См. об этом подробнее [11 с. 133–148]. В немецкой историографии политику 4 августа 1914 г. принято обозначать термином «Siegfrieden».

В. Капп, лидер и основатель Немецкой отечественной партии выступили против резолюции о мире и внутренних реформ.

В декабре Советская Россия потребовала перемирия и предложила заключить компромиссный мир. Германия была в принципе согласна, но не соглашалась передать большевикам балтийские провинции до заключения общего мира. Большевики надеялись, что искра революции перейдет в Германию. Вебер по этому поводу писал: «Положение в Брест-Литовске не производит на меня хорошего впечатления. Результат должен показать, что получится при этом резком тоне, но думаю, что Троцкий умнее наших людей» [4 с. 508–509]. Эту попытку он назвал видимостью мира.

Уже в начале 1918 г. Вебер восклицал: «Держу пари 2 к 1, что мир будет заключен осенью». Тем не менее «Россия самый опасный враг, неспособна воевать и должна к концу марта принять диктат мира, при котором значительные ее части переходят под власть Германии» [4 с. 509–510]. Оценивая Брестский мир как диктат, ученый внутренне сопротивлялся германским аннексиям, которые не вписывались в факторы «достойного мира».

Весеннее наступление Германии 1918 г. не стало успешным. Вебер вновь связывал надежду на спасение страны с политикой демократизации. Людендорф предложил Вильсону заключить мир и начать переговоры о перемирии 11 октября 1918 г. Вебер полагал, что только добровольное отречение Вильгельма II может спасти монархию и династию. Всегда с почтением отзываясь о монархии, осенью 1918 г. он полагал, что отречение монарха остается центральным вопросом.

Почему «я ничего не пишу о мире»?

Когда в ноябре 1918 г. в Германии разразилась революция, то Вебер назвал ее «кровавым карнавалом, не заслуживающим почетного наименования революции» [12 с. 273]. В конце ноября 1918 г. Вебер приехал во Франкфурт, чтобы проконсультировать «Франкфуртер цайтунг» по политическим вопросам и написать статьи о новом политическом устройстве. 2 декабря 1918 г. город встречал «непобежденное», как писала Марианна Вебер, германское войско. Город украшен венками. На крышах люди. Войско встречено ликованием. Она отмечала, что Вебер был потрясен [4 с. 520].

Вебер вошел в число тех, кто разрабатывал новое политическое устройство Германии. Его принципы понимания нового устройства Германии – дело Бисмарка погибло, парламентская демократия,

признание республики. Вебер не стал политическим вождем, но ученый считал, что пока не заключен мир, он не может быть полностью свободным от политики. 17 января 1919 г. Вебер опубликовал на страницах «Франкфуртер Цайтунг» статью о виновности в войне и включил в нее свои предложения о будущем военно-правовом статусе Лиги наций [13 с. 178–189]. Главным виновником войны он продолжал считать Россию. Об этом размышляла на страницах мемуаров Марианна Вебер. Исход войны не суд Божий, успех ничего не доказывает, ни за, ни против права, о чем свидетельствуют бесчисленные поля трупов в истории. Однако Вебер продолжал считать, что решающую ответственность за развязывание войны несет русский империализм [4 с. 531].

Последний канцлер поверженной Германской империи принц Макс Баденский порекомендовал Вебера в состав конференции «Комитет мирных переговоров». Вскоре Вебер получил предложение в качестве члена германской делегации участвовать в Парижской конференции. Это было для него очень волнительно, поскольку он считал, что это тяжелое переживание для каждого немецкого патриота. Двойственные ощущения. Вебер не хотел отказаться от возможности помочь своей родине, но и не хотел быть статистом.

Состоявшую из 80 человек делегацию Германии возглавлял тогдашний министр иностранных дел У. фон Брокдорф-Ранцау. Сам текст Версальского договора поверг Вебера в ужас. Он готовил ответ комиссии об ответственности виновников войны. По мнению Вебера, немецкий народ вступил в оборонительную войну против царизма. Профессор относился к тем, кто отказывался принять условия договора. Но отдавал должное и другой точке зрения. «Признаюсь, – писал ученый, – что политически я растерян. О, это ужасно <...> ты говоришь, что я ничего не пишу о мире. Ах, я был настолько усталым и равнодушным, что понимал изнеможение народа. Отказ означал бы распад правительства и передачу суверенитета Лиге наций». Однако он понимал, что «с этим миром мы находимся только в начале наших бедствий. Ведь его условия совершенно невыполнимы...» [4 с. 539–540].

Во второй половине 1919 г. Вебер впал в аполитичность. Осмысливая войну, в июле 1919 г. он восклицал: «Ужасно, что император никогда не находил правильного решения». В этих словах вновь звучит политический подтекст причин неудачной войны и уверенность, что своевременная парламентаризация правительства и демократизация привели бы к иному результату. Он находился в ситуации нервного изнеможения. В июне 1919 г. состоялась знаменитая веберовская лекция перед студентами Мюнхенского уни-

верситета «Политика как призвание и профессия». Вебер говорил о трагедии Германии, которая находится под чужим господством. Его размышления отражают двойственное отношение профессора к Версальскому пакту. «Если вы вместо отчего города или “отчего края” (Vaterland), что как раз сейчас не для каждого может быть однозначной ценностью, станете говорить о “будущем социализме” или даже “международном умиротворении”, то вы подошли к проблеме в ее нынешнем состоянии. Ибо все это достигнутое политическим действием, которое использует насильственные средства и работает в русле этики ответственности, угрожает “спасению души”». Не противопоставляя этику ответственности и этику убеждения, он называет их «взаимодополнением», которые «лишь совместно составляют подлинного человека, того, кто может иметь “призвание к политике”» [14 с. 526–527]. Если спроецировать эту цитату на ситуацию заключения мира, то создается впечатление, что, возлагая всю вину на Германию, абсолютизируя ответственность, игнорируя этику убеждения, страны Антанты тем самым утратили важный фактор «достойного мира».

Заключение

М. Вебер ушел из жизни спустя год после подписания Версальского мирного договора от банальной простуды. Разочарование, наступившее после подписания Германией Версальского мирного договора, видимо, сыграло в этом не последнюю роль. Нация была главной ценностью зрелого Вебера, поэтому ученый постоянно задавал себе вопрос: «был ли шанс для чего-то хорошего – для пробуждения внутреннего национального противостояния?» [4 с. 540] На основе принципа рациональности ответ им не был найден, что стало одной из причин распространения в Германии в 1920-е гг. иррациональных теорий в политике и культуре.

Литература

1. *Mommsen W.* Max Weber und die deutsche Politik: 1890–1920. Tübingen: Mohr Siebeck, 1974. 586 S.
2. *Kaube J.* Max Weber. Ein Leben zwischen Epochen. Berlin: Rowohlt, 2014. 494 S.
3. *Radkau J.* Max Weber. Die Leidenschaft des Denkens. München: Carl Hanser, 2013. 925 S.
4. *Вебер М.* Жизнь и творчество Макса Вебера. М.: РОССПЭН, 2007. 654 с.

5. *Ростиславлева Н.В.* Макс Вебер в годы Первой мировой войны // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Всеобщая история». 2014. № 13 (135). С. 136–145.
6. *Каубе Ю.* Макс Вебер: На рубеже двух эпох. М.: Издат. дом «Дело», 2016. 597 с.
7. *Weber M.* Russlands Übergang zur Scheindemokratie // Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 15. Abteilung I. Zur Politik im Weltkrieg. Schriften und Reden 1914–1918. Tübingen: Mohr Siebeck, 1989. S. 236–260.
8. *Weber M.* Die russische Revolution und der Friede // Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 15. Abteilung I. Zur Politik im Weltkrieg. Schriften und Reden 1914–1918. Tübingen: Mohr Siebeck, 1984. S. 297.
9. *Вебер М.* Избирательное право и демократия в Германии // Вебер М. Политические работы: 1895–1919. М.: Праксис, 2003. С. 40–106.
10. *Вебер М.* Парламент и правительство в новой Германии: Наследие Бисмарка // Вебер М. Политические работы: 1895–1919. М.: Праксис, 2003. С. 107–126.
11. *Шульце Х.* Краткая история Германии. Москва: Весь мир, 2004. 256 с.
12. *Weber M.* Gesamtausgabe. Bd. 16. Abteilung I. Zur Neuordnung Deutschlands. Schriften und Reden 1918–1920. Tübingen: Mohr Siebeck, 1988. 273 S.
13. *Weber M.* Zum Thema des Kriegsschuld // Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 16. Abteilung I. Zur Neuordnung Deutschlands. Schriften und Reden 1918–1920. Tübingen: Mohr Siebeck, 1988. S. 178–189.
14. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 485–528.

References

1. Mommsen W. Max Weber und die deutsche Politik. 1890–1920. Tübingen: Mohr Siebeck Publ.; 1974. 586 S.
2. Kaube J. Max Weber. Ein Leben zwischen Epochen. Berlin: Rowohlt, 2014. 494 S.
3. Radkau J. Max Weber. Die Leidenschaft des Denkens. München: Carl Hanser Publ.; 2013. 925 S.
4. Weber M. Max Weber's Life and Works. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2007. 654 p. (In Russ.)
5. Rostislavleva NV. Max Weber in the Years of the First World War. V: *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Historical Studies. General History*. 2014;13:136-45. (In Russ.)
6. Kaube J. Max Weber. At the Cusp of Two Epochs. Moscow: Delo Publ.; 2016. 597 p. (In Russ.)
7. Weber M. Russlands Übergang zur Scheindemokratie. V: Weber M. *Gesamtausgabe*. Bd. 15. Abteilung I. Zur Politik im Weltkrieg. Schriften und Reden 1914–1918. Tübingen: Mohr Siebeck Publ.; 1989. S. 236-60.

8. Weber M. Die russische Revolution und der Friede. V: Weber M. *Gesamtausgabe*. Bd. 15. Abteilung I. Zur Politik im Weltkrieg. Schriften und Reden 1914–1918. Tübingen: Mohr Siebeck Publ.; 1984. 297 S.
9. Weber M. Electoral Law and Democracy in Germany. V: Weber M. *The Political Works. 1895–1919*. Moscow: Praxis Publ.; 2003. p. 40-106. (In Russ.)
10. Weber M. Parliament and Government in New Germany. Bismarck's Legacy. V: Weber M. *The Political Works. 1895–1919*. Moscow: Praxis Publ.; 2003. p. 107-26. (In Russ.)
11. Schulze H. Kleine deutsche Geschichte. Moscow: Ves' mir Publ.; 2004. 256 p. (In Russ.)
12. Weber M. Gesamtausgabe. Abteilung I. Zur Neuordnung Deutschlands. Schriften und Reden 1918–1920. Bd. 16. Tübingen: Mohr Siebeck Publ.; 1988. 273 S. (In Russ.)
13. Weber M. Zum Thema des Kriegsschuld. V: Weber M. *Gesamtausgabe*. Bd. 16. Abteilung I. Zur Neuordnung Deutschlands. Schriften und Reden 1918–1920. Tübingen: Mohr Siebeck Publ.; 1988. S. 178-89. (In Russ.)
14. Weber M. Politics as a Vocation and a Profession. V: Weber M. *Selected Works. Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism*. Moscow; Sankt-Peterburg: Tsentr humanitarnykh initsiativ Publ.; 2014. p. 485-28. (In Russ.)

Информация об авторе

Наталья В. Ростиславлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (Московский инженерно-физический институт), Москва, Россия; Россия, г. Москва, 115409, Каширское шоссе, д. 31; ranw@mail.ru

Information about the author

Natalia V. Rostislavleva, Doctor in History, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; National Research Nuclear University "MEPhI" (Moscow Engineering Physics Institute), Moscow, Russia; bld. 31, Kashirskoe shosse, Moscow, 115409, Russia; ranw@mail.ru